

НИЩЕЕ НАСЕЛЕНИЕ БОИТСЯ НЕ ДЕФОЛТА, А ИНФЛЯЦИИ

Во время своего общения с гражданами России Владимир Путин трижды повторил: дефолта не будет! Настойчивость, с которой он это говорил, выглядела, как закливание. Так как, прежде всего, дефолта должна бояться сама власть. Дефолт — не проблема нищего населения, не имеющего сбережений, по большому счету сейчас граждан волнует то, что обычно предшествует дефолту — рост цен. Инфляция даже по официальным отчетам доходит до 10 процентов, хотя некоторые продукты питания подорожали уже в два раза.

Правительство считает, что причины роста цен у нас в стране находятся за пределами России. Это так, подтверждают эксперты, но степень зависимости внутренних цен от мировых должна регулироваться государством. Что же происходит у нас? Кремль потворствовал проникновению в страну спекулятивного капитала, не вовлеченного в производство. Он также способствовал привязыванию российской финансовой системы к доллару, устойчивость которого оказалась ненадежной. Снижение популярности американской валюты привело к тому, что половина всех расчетов в мире перешла с долларов на евро. Кризисные явления в мировой системе, по мнению Виктора Геращенко, поставили в сложное положение ряд российских институтов и учреждений, завязанных на зарубежных кредитах. А, как известно, лидерами по объему внешних заимствований являются госкомпании, такие как «Газпром», «Роснефть», ОАО «РЖД» и РАО «ЕЭС».

На какие же цели использовали госкомпании зарубежные, более дешевые, кредиты? Для реализации различных инвестиционных проектов, которые, в результате, далеки от самоокупаемости, поскольку продиктованы больше политическими соображениями, чем экономическими. Кроме того, власть волею использует доходы госкомпаний для реализации различных политических проектов, включая приобретение непрофильных активов: телекомпаний, футбольных клубов и так далее. В это «жерло» уходит гигантские сверхприбыли. Долг госкомпаний уже превысил 300 миллиардов долларов. Такое положение вещей, как считает экономист Михаил Делягин, когда берутся займы извне при наличии ресурсов внутри, России крайне невыгодно. Так как финансируется стратегический конкурент вместо собственного российского производителя.

Валютная политика властей России в течение довольно долгого периода сводилась к поддержанию заниженного уровня курса национальной валюты относительно доллара. Основным аргументом такой стратегии называлась необходимость обеспечения притока в страну денег за счет положительного баланса внешней торговли и поддержания отечественного производства за счет недоступности импорта. Однако импортные товары до сих пор продолжают доминировать на российском рынке по той самой причине, что власть не навела порядок на таможне и не выработала вменяемую промышленную политику для поддержки отечественного производства. Поэтому с учетом сырьевого характера российского экспорта преимуществами «слабого рубля», прежде всего, воспользовались российские сырьевые компании, несущие свои расходы в рублях и продающие добытое сырье в долларах.

Политика российской власти в банковской сфере копирует модель, характерную для азиатских стран, имеющих избыток трудовых ресурсов и дефицит сырья. Российские банки поставлены в заведомо невыгодные условия по сравнению с зарубежными. Они вынуждены наращивать свой банковский капитал за счет внешних источников и прибегать к внешним заимствованиям. Рост внешнего долга банков, не связанного с собственным капиталом, в предстоящие три года по умеренным оценкам может составить 40-60 миллиардов долларов ежегодно. По этому поводу высказал опасения сам Алексей Кудрин. По его словам, иностранные обязательства российских банков в последние 3-4 года растут столь быстрыми темпами, что это угрожает кризисом в случае ослабления притока иностранной валюты. беспорядочные займы, переходящие в соревнования за деньги нерезидентов, могут нести с собой серьезную угрозу долговой стабильности.

Алексей Кудрин, пошедший на повышение, видит выход из сложившейся ситуации в том, чтобы в 2009 году провести девальвацию национальной валюты со всеми вытекающими из этого последствиями. Он готов пойти на этот шаг, хотя в случае более или менее серьезных колебаний с курсом рубля, госкомпании будут не в силах обслуживать свои обязательства. И хотя не существует прямой связи между долгом государства и госкорпорациями — бизнес есть бизнес, но с учетом их фактического государственного статуса, велика опасность перехода корпоративного дефолта в дефолт государственный. И если на сегодняшний день внешний государственный долг России невелик и равен лишь 3,4 процента ВВП, то с учетом внешних долгов госкомпаний и банков он может возрасти до 26,2 процента и более.

Очевидно, что проблему внешнего долга путинская власть предполагает решить за счет населения. Именно поэтому Путину необходим в будущем управляемый парламент и, говоря о желательности парламентской оппози-

(Окончание на стр. 4)

Алексей Широпаев

РУССКИЙ ПЕРЕДЕЛ

Национал-демократия как проект. Часть I. Новое пространство

Нет, не всякий «дух, враждебный государству», есть дух, враждебный народу, потому что не всякое государство — народ; злейшим врагом народа, внутренним нашествием может быть иное государство.

Д.Мережковский

История — это постоянные изменения, вечная перестройка кажущейся стабильности.

Л.Гумилев

Русское против русского

Минувшим летом в газете «Завтра» появились занятные откровения известного путинского политработника Михаила Леонтьева (наконец-то он «дозрел» до рупора неосовоковой имперщины!). М. Леонтьев рассказывает о своей реакции на распад СССР:

«Я не мог поверить, что все происходит на самом деле. «Заработало», как в деле. Союзные республики были химерой(?), придуманной «понарошку», чтобы убедить прогрессивное человечество в поддержке национально-освободительного движения во всем мире — не у нас же дома! И вдруг «заработало», как на самом деле! Слово мультик — детскую сказку начали воплощать в жизнь буквально...»

Цитатка сия наглядно демонстрирует степень цинизма и тупости советских «образованцев», ныне составляющих масс-медийную касту «властителей умов». Тот факт, что СССР будет развален национализмом союзных республик, был очевиден еще в 1988-89 гг. на уровне кухонной «аналитики». Дело в том, что эти самые республики были вовсе не химерой — химерическими, не существующими в плане национальной субъектности, были и остаются русские регионы империи. Эти «безнациональные» области наглядно иллюстрируют положение русских в России как народа, пораженного в правах.

Конечно, я вспомнил о М. Леонтьеве не затем, чтобы порассуждать об умственных способностях дипломированных совков, чья совковость ныне органично трансформировалась в «консервативную систему ценностей» и даже в «православие, самодержавие, народность». Речь вот о чем. Если вчера М. Леонтьев и ему подобные не разглядели в национально-ос-

вободительных движениях союзных республик — прежде всего Балтии и Украины — могильщиков советской империи, то сегодня им тем более не понять, что на этот раз уже не «окраинный», а русский национализм выступает в качестве главной антиимперской силы, которая завершит демонтаж постсоветского пространства. И положит начало принципиально новому историческому циклу.

В течение последних полутора лет произошло окончательное размежевание русского национализма с российским патриотизмом. Отныне это не просто различные, а противоборствующие системы ценностей.

Российский патриотизм открыто декларирует себя как верного прислужника Государства, причем любого: царского, советского, постсоветского, поскольку все эти генерации Империи онтологически едины. С точки зрения патриотов исторический смысл существования русского народа состоит в жертвенном (обязательно жертвенном!) служении имперскому Левиафану Системы, который в патриотических толкованиях приобретает даже сакральные, религиозные черты (православно-монархическая концепция «удерживающего теперь»). Согласно патриотам, собственной судьбы у русских нет; их судьба — это судьба наднационального гипер-Государства, судьба Империи. Не господствовать в Империи, а быть ее вечным, безропотным донором, безликим скрепляющим раствором; смиренно нести бремя имперских «сверхзадач» — за счет собственного «бытоулучшательства» и «мелкобуржуазного» благополучия; быть агнем на отнюдь не безкровной имперской «литургии» — такова участь русских в патриотическом понимании. Народ-холоп, народ-крепостной, вечные рабы и юродивые, перманентные колхозники и пролы — вот русские глазами патриотов. Законченная форма этой идеологии — православно-монархический сталинизм в духе Владимира Карпеца и Олега Платонова.

Правда, есть и те, кто пытается формулировать имперскость с позиций гипотетического русского

господства. Они полагают, что Российская империя — прошлая и настоящая — это, мол, «неправильная» империя, как они говорят, «антиимперия», превратившая русские регионы в колонии окраинной метрополии. Эти патриоты считают возможным построение «правильной» империи, и в качестве примера таковой называют, в частности, Британскую империю, где белая метрополия довольно

долго кормилась за счет цветных колоний. При этом они игнорируют, во-первых, исторический финал Британской империи (как видим, «неправильная» Российская империя ее пережила). А во-вторых, поток мигрантов, заполонивший нынешнюю Вели-

британию — это «отдача» именно имперского прошлого, поскольку большая часть этого потока составляют выходцы из бывших британских колоний. Теперь уже бывшие колонии кормятся за счет имперской метрополии, успешно колонизируя последнюю. Нам, современным русским, Британская империя интересна только примером успешной борьбы с этой империей — я говорю о Ганди с его наступательной стратегией массовых ненасильственных акций.

Я считаю, что любая империя приводит к культурно-расовому хаосу и деградации исходного этноса. Любая имперская государственность, будь то эцклетическое царство Александра Македонского или цезаристский Рим — это патология. Очевидно, сколь деградировал эллинистический мир, став миром эллинистическим; очевидно, что именно Римская империя своей «глобализацией» создала все условия для успеха христианской проповеди космополитизма и всесмешения.

Антиимперство национал-демократов — это не тактика, а принцип. Мы принципиально неимперские националисты. Не через реставрацию Империи лежит путь в русское будущее, а через труп империи. Благодаря Империи русский народ так и не стал нацией, а все еще остается на положении народа при Государстве, вроде подмастерья Ваньки Жукова при суровом хозяине-мастере. Нацией, а точнее созвездием на-

ций русский народ сможет стать только в том случае, если откроет шлюзы для своего регионалистского развития. Единственно органичным мне представляется компактное национальное буржуазное государство, вроде тех, что сегодня развиваются в Восточной Европе, прежде всего в Балтии.

Несбывшийся Ельцин

Однако и такое государство для нас, русских националистов нового поколения, не может быть «божеством». Любое государство для нас вторично, поскольку истории преодоления государственного фетишизма с позиций русского национализма. Национал-демократия — это первое в российской истории преодоление государственного фетишизма с позиций русского национализма. Национал-демократия стремится к понижению роли государства путем развития народного самоуправления всех уровней, расширения прямой демократии, создания «вечевых» структур, которые смогли бы стать реальной народной альтернативой существующей бюрократии. Кроме того, национал-демократия выступает за формирование армии на добровольной основе.

И, конечно же, мы — против диктата и самого существования имперского центра, где бы таковой ни возник. Империя «заморозила» русских в состоянии некой безликой этномассы. Поэтому мы за русский регионализм как неприменное условие нормального национального генезиса русского народа, его «разморозки» на уровне региональных субэтносов. Пусть, как говорится, расцветет сто цветов! Речь идет о возникновении целого ряда Русей, в которых начнется процесс формирования нескольких русских буржуазных наций. Не исключено, что в дальнейшем они обретут особые имена, оставив понятие «русский» для обозначения своей общности, в качестве исторического маяка. Эти Руси могли бы образовать Конфедерацию, цивилизационно ориентированную на Европу (кто-то предложил назвать этот проект «Русская Европа»). Только так может быть завершен демонтаж постсоветского пространства, начавшийся на заре 1990-х годов.

Сейчас в авангарде этого процесса идет оранжевая Украина. Но, повторяю, завершить его — безкровно, исторически обоснованно и исторически перспективно — способен только новый русский национа-

(Продолжение на стр. 2-3)

